

ПРОСТО
ДРУЗЬЯ

ИСТОРИЯ НЕ О ЛЮБВИ

Марина Островская

Марина Островская

Просто друзья.

История не о любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27434371

ISBN 9785448598159

Аннотация

Как построить отношения, не обесценивая значимость другого? Возможна ли привязанность «на всю жизнь»? И что в таком случае значит «свобода»? Может быть, лучшие отношения – это никаких отношений, одиночество и сосредоточенность на себе? Или всё же нужно иметь хотя бы одного близкого человека, которому не нужно фальшиво улыбаться и врать на вопрос «как дела»? Герои книги мучительно ищут ответы на эти вопросы – через ссоры и примирения, расставания и новые встречи...

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	12
3.1	23
3.2	26
3.3	30
4	33
5	38
6	46
7.1	53
7.2	56
8	61
9	65
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Просто друзья История не о любви

Марина Островская

© Марина Островская, 2018

ISBN 978-5-4485-9815-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

1

– Ого, уже почти 6. Сделать, что ли, вид, что я тут не бездельничаю целыми днями. Ну так, для разнообразия, – девушка оглядела окружающий её разгром в комнате и осторожно сместила половину завала с постели на пол, таким образом начав и завершив уборку.

Теперь предстояло ещё привести себя в порядок, а именно найти джинсы и футболку в завале, и придумать, с какой книгой в руках встречать своего так называемого друга. Они встречались уже чёрт знает сколько, забывая, сколько именно и споря о самой сакральной дате отношений – дне знакомства. Она искренне верила, что они познакомились тринадцатого, это число ей вполне импонировало, хотя Антон настаивал, что это было еще двенадцатое. Остальных сакральных дат у них не имелось – и первый поцелуй, и первая близость совпали с тринадцатым числом того же месяца. Вот-вот он должен был прийти, и она вот уже полчаса упорно вглядывалась в книгу, чтобы оставить его приход незамеченным.

Хлопнула дверь, знакомо гроыхнул ключ о щиток счётчика, значит, пришёл Антон, а не соседи. Что ж, уже непло-

хо.

– Ну и как он тебе? – привычная ухмылка вместо приветствия.

– Поужинать не хочешь? – мрачный тон выдал то, что она, в общем-то, хотела скрыть.

– Ну, был бы уж точно не против, а что, что-то даже приготовлено?! Очевидно, твоё новое увлечение тебя уже успело чем-то разочаровать.

– Ни то, ни другое.

– Значит, есть нечего?

– Ну да... Я и спросила-то только для того, чтобы услышать отрицательный ответ и успокоить свою совесть. Бутерброды будешь? Подробности узнать хочешь?

– Буду. Не очень, – хотя уже и было понятно, что пути к отступлению нет, и подробности будут при любом ответе.

– Он согласился взять деньги за билет...

– Ну и что? Тебе же самой не нравится, когда за тебя платят?

– Согласился на моё предложение его пригласить за мой счёт в театр.

– Но ты ведь и со мной хотела по очереди покупать билеты?

– Не предложил проводить...

– Ну, может, ты слишком активно отказывалась, а он постеснялся настаивать?

– Зато согласился, чтобы я проводила его до остановки.

– Да, ты права, он придурок.

– Очевидно, я чем-то привлекаю именно таких людей.

– Намёк? – Антон озадаченно покосился на Крис.

– Да нет, я обычно прямо говорю, как и сейчас. Просто вспомнилось, как ты предложил пить вино в подъезде. Рядом ещё мусоропровод был. Романтика.

– Зато какой секс был...

– Отменный.

– Ну, вот видишь! Чем же я тогда похож на него?

– Как минимум, демонстративной невосприимчивостью к интонациям.

– Слишком длинно для остроумного ответа.

– Слишком плоско для разгромного замечания.

– Один-один.

– Как благородно с твоей стороны признать, – Крис недовольно дожёвывала оставшийся бутерброд.

– Благородство и принадлежность к разряду мерзких типов – несовместимые понятия, признавая одно, отрицаешь другое. Два-один.

– Шоколадку будешь?

– С орешками?

– С изюмом.

– Я же не люблю...

– Я помню. Поэтому и предлагаю. Ты же хотел сократить потребление продуктов эксплуатации животных, а в шоколадке содержится молоко.

– Чёрт, его там так мало, что это даже можно не брать в расчёт!

– Да шоколадка и сама, надо заметить, небольшая, то есть в ней всего мало, что же, теперь не стоит признавать присутствие всех ингредиентов, а тогда и существование шоколадки? Ты какие-то глупости говоришь.

– Это ты мне заявляешь после признания возможности отрицания шоколадки?

– Я это говорила про твою логику.

– Я не отрицаю существование шоколадки, это твоих рук дело.

– Слышал бы кто.

– А лучше видел, это более устрашающе, два человека в трусах и носках, спорящие о том, кто отрицает факт жизни в этом мире шоколадки.

Закипел чайник, Крис залила заварку кипятком. Людям, не знавшим их, со стороны могло показаться, что они ссорятся, но такая манера разговора была для них нормой. Этакое дружелюбное препирательство старых друзей.

– Всё-таки стоим друг друга, да?

– Ещё бы перестала разыскивать другого товарища по безумию, так вообще идеальная пара!

– Но он такие письма писал, романтические, почти даже с литературной ценностью, я практически забывала, что это всего лишь переписка в сети.

– А как хороша его работа, это тоже не стоит обходить

вниманием, если уж продолжать затронутую тобой недавно мусорную тему. Менеджер по продаже унитазов, или сисадмин с функцией продавца унитазов, или грузчик того же ценного товара, но с функцией сисадмина...

– У них маленький магазинчик, в таких местах распространено совмещение обязанностей.

– Магазинчик. Чёрт, до чего ж это трогательно. Так и представляются милые никому не нужные сувенирчики, или уж, на худой конец, булочки-пончики. Но магазинчик унитазов... Звучит почти как влюблённость в парнишку. Но нет, я могу в тебе не сомневаться, ты ведь отказалась провожать его до остановки... Стоп, а ведь ты этого не говорила? Признавайся, ты это сделала?

– Невыносимый. Ты какой вид насильственной смерти предпочтёшь? Готова пойти навстречу и предоставить выбор.

Скорчив агрессивную гримасу, она вышла из кухни, негромко хлопнув дверью, в рамках приличия. Больше всего Крис любила завершать разговор своей фразой и уходом, подчёркивающим значимость сказанного и гарантированно оставляя последнее слово за собой. Эту слабость она за собой легко признавала, и отказываться от неё не собиралась, не в этом случае уж точно.

Нацепив куртку и усевшись на выброшенной из квартиры обшарпанной тумбочке, Крис запрокинула голову за балкон и выставила свой вздёрнутый веснушчатый нос под пуши-

стые снежинки. Приятно все-таки ловить их вот так, носом. Прямо как в детстве!

С балкона было видно, как в комнату зашёл Антон. Человек, с которым столько было связано в прошлом и с которым не хотелось связывать своё будущее, только сегодняшней день. День, который плавно перетекает в прошлое, который до этого и был будущим. Познакомились они именно так, как меньше всего хотелось Крис. На сайте знакомств. Он ей сразу не понравился, но всё же на встречу от нечего делать согласилась. Она ему не понравилась уже при личной встрече. Да и как могла приглянуться девушка в агрессивного вида чёрной одежде, браслетах с, на её взгляд, очаровательными черепами, сидящая на заборчике и непринуждённо болтающая ботинком с цепями, если ты видел на фото нежно улыбающуюся девушку самой романтичной наружности?!

И хотя оба они решительно не понравились друг другу, это не помешало им провести ночь вместе в гостинице. Попытки стать ближе друг другу не увенчались особым успехом, поэтому они, растянувшись рядом на кровати, полночи смотрели клипы на музыкальном канале. Утром она, как всегда, проспала лекции в универе.

Потом просыпать занятия не дома, а в гостинице, стало привычным явлением, а видеть его по утрам стало даже приятно. По мере того, как они тратили на совместные развлечения его и её деньги всё дольше, и гостиницы становились всё дешевле, секс становился всё лучше и лучше, однажды

став очень даже замечательным. Когда наступила зима, денежный запас иссяк, и наслаждаться друг другом они стали, прячась по ночам в подъездах и лифтах.

Пушистые снежинки грязно растекались по накрашенному лицу. Становилось уже не трогательно и по-детски празднично, а посредственно и холодно, наступило самое неприятное в секундном удовольствии – то ли разочарованное пресыщение, то ли потеря момента. Куда дальше неподконтрольного восторга двинуться, сознанию неясно, а на попытку насильственного удержания у девичьей груди мгновение, как обычно, ответило бегством вприпрыжку в ближайшее измерение. Оставалось только убедить себя, что эта приятная ловля снежинок носом осталась симпатичной открыткой на той полке воспоминаний, где образовался ворох милого и сентиментального, давно не разбираемый, кстати. «Займись им на досуге, всё приятнее, чем лишний раз убираться в комнате», – с этими мыслями Крис лениво слезла со шкафчика и шагнула в тепло комнаты, аккуратно прикрыв за собой балконную дверь.

Стоимость времени в месте, где происходит что-то между людьми, порой прямо пропорциональна запоминаемости события.

2

Старый кирпичный дом, где они жили, в это субботнее утро выглядел особенно живописно. Солнце подчёркивало потемневшие оконные рамы и бесстыдно сбросившие прикрытие штукатурки старые кирпичи стен. Голуби, сидя на крыше, лениво смотрели на расстилающийся перед ними снежный покров, пусть и довольно ограниченного масштаба, весело блестящий под лучами солнца. Идиллическое спокойствие разрухи местами всё еще оранжевой сталинки убивалось изнутри не соответствующей окружающей душевной безмятежности сценой.

Чёрт, всё настолько плохо, что даже не понятно, что хуже в случае этого, с позволения сказать, человека – то, что у него совершенно нет слуха или то, что у него настолько противный голос. Хорошо, что у него плюсом ко всему ещё и музыкальный вкус не развит. Если бы сосед с утра пораньше (а в этот выходной день тринадцать – тридцать она была склонна считать именно ранним утром) за стенкой портил хорошую песню отличной группы, то повод для скандала до вечера она бы точно отыскала.

Маленькая радость – Крис с удовлетворением отметила, что с утра победа в битве за одеяло осталась за ней – примирила её с ужасающими звуками. Она с нежностью погладила по щеке зябко ёжащегося во сне Антона и потянулась к но-

утбуку выбирать более достойный музыкальный фон теперь уже для его пробуждения.

Через несколько минут грохот достойных образцов панк-рока заполнил собой пространство комнаты, но не только их, о чём Крис вскоре известил нервный стук в дверь.

– Ох уж эта человеческая нетерпимость, – грустно подумала она и сделала музыку ещё громче. Нервничают, всегда держат наготове свои мелочные претензии, чтобы при малейшем поводе злорадно сунуть их тебе под нос, а о причиняемых ими самими неудобствах подумать даже не удосужатся. «Но я не буду им уподобляться, длительные раздражающие дискуссии на тему быта – не для меня, зачем всё усложнять», – придя к такому разумному выводу, Крис убавила звук:

– Иди к чёрту, меньше будешь петь всякую дрянь на всю квартиру!

Снова добавив звук по максимуму, она улыбнулась проснувшемуся и пребывающему в лёгком шоке Антону и, прокричав ему в ухо, что неплохо бы было прогуляться этим солнечным утром, стянула с себя футболку для сна и потянулась за такой же, но поновее. Разницы между ними не было никакой, но в чём-то же надо было спать.

– И какие у нас планы на сегодня, кроме утренней прогулки?

– Ужасное слово планы, это же выходной, он должен отличаться от будней с графиками и запланированными дела-

ми...

– Не проще ли сказать не знаю?

– Проще, но так слишком коротко.

Раздался телефонный звонок. Это был приятель Антона с университетских времён, Ник. Они вместе учились на одном факультете, вместе пили пиво после или вместо пар, а потом Ника отчислили. Пить вместе это маленькое недо-разумение им нисколько не помешало.

Сколько раз Крис слышала забавные истории об их совместном времяпрепровождении, особенно ей нравилась про проникновение в общежитие. Четвёртый этаж, несколько бутылок вина в пакете, Антон, обвязанный непонятно где найденным канатом, и несколько друзей, старающихся затащить его наверх – не оставлять же друга с алкоголем внизу.

И вечер бы вполне удался, если бы не неожиданный стук в дверь, заставивший всех в панике уставиться друг на друга. Когда зашёл комендант, единственным следом присутствия Антона был растянувшийся по комнате конец каната, вторым концом которого он по-прежнему был обвязан. Но и этого было вполне достаточно. Стоило только проследить взглядом за ним, ведущим в приоткрытый шкаф, распахнуть дверцу и... В темноте Антон слушал стук своего пьяного сердца и не до конца заглушённые этим шумом шаги коменданта, всё ближе, ближе.

– Чёрт! – он жмурится от комнатного света за резко открывшейся дверцей шкафа, на которую он так удобно

опирался, вываливается наружу под ноги присутствовавших в комнате, кому сегодня явно везло больше, чем ему.

Что было дальше, он смутно помнил. Кроме коменданта на сработавшую сигнализацию приехали доблестные пухленькие стражи порядка и, самодовольно почёсывая брюшки, всё о чём-то спрашивали. Глупые ненужные вопросы, когда ну и так же всё ясно. Ник нетрезво и обаятельно улыбался им, пытаясь втолковать, что «ну с кем не бывает, не нужно никаких для профилактики, пусть и ненадолго». С этого момента он погрузился в пустоту без снов, а на утро восстанавливать утраченную цепь событий было стыдно, лениво и не обязательно. Единственное, что нужно было – помнить и в пьяном забытии, что ты боишься высоты. Как оказалось, в таких случаях это может спасти от мучительных посиделок в шкафу с натирающим живот канатом.

– А Крис дома? – с надеждой на отрицательный ответ спросил Ник.

– Ну да.

– А вечером тоже собирается домоседствовать?

Оказаться вечером в компании Крис в его планы не входило. Она ему казалась слишком правильной, слишком занудной. О чём с ней вообще можно говорить, особенно с трезвой? Некоторые люди просто обязаны хотя бы пить (при нём она всегда говорила, что не пьёт и осуждающе смотрела на него). Должно же быть в них хоть что-то непорядочное, иначе они становятся слишком скучны. И не тем, что

не пьют, сам по себе алкоголь тут не при чём, а тем, что отгораживаются ото всех своей демонстративной правильностью. Крис знала об этом его мнении, но разубедить не собиралась. Ей нравилось собирать заблуждения о себе.

– Не знаю, скорее всего, а что?

– Да я тут с такими девушками познакомился. Влюбился в ту же секунду, как их увидел. Правда, пока не определился с выбором и люблю всю троицу. Мы могли бы к тебе вечером завалиться с виски, посидеть, выпить, поиграть на гитаре и снова выпить.

– Ещё раз повторюсь, Крис скорее всего, будет дома.

– Ну, так придумай что-нибудь, отправь к подружке, мол, что-то вы давно не виделись.

– У неё нет друзей.

– Нда... И где ты такое милое создание откопал... Ну ладно, час тебе на разработку плана по избавлению от твоей странной подружки, а потом мы с любимыми будем искать другое пристанище.

– Ну всё, на связи.

Антон положил трубку, задумчиво глядя на Крис.

Она сидела, поджав ноги, в кресле и читала. И ведь в принципе-то неплохая, действительно неплохая девушка, умная, с чувством юмора, но какая-то глубоко укоренившаяся в ней тяга жить по принципу «чем хуже, тем лучше», лёгкая безысходность во взгляде притягивает к ней людей, с которыми она гарантированно будет несчастной. И прини-

мать она это будет как всегда спокойно, лишь слегка улыбаясь, словно говоря «да ни на что другое я и не рассчитывала».

Заметив выжидательный взгляд, она оторвалась от книги.

– Скажи, ты бы хотела сегодня встретиться с Ником?

– Разумеется, нет.

– А мы с ним так давно не виделись... Конечно, можно было бы куда-нибудь пойти, но вот только денег ни черта нет, так что можно было бы пригласить его в гости, но ты ведь будешь против?

– Да ну что ты, совсем нет – это я его видеть не хочу, но с чего бы мне вашим встречам-то препятствовать? На улице вроде неплохая погода, я могу и прогуляться, пойти в кино... А до сколько вы планируете тут сидеть?

– Даже не знаю, но если бы ты сумела себя занять часов до 11 вечера, то было бы здорово.

– Ничего себе, так долго... Ну ладно, что-нибудь придумаю.

Натянув джинсы, она пошла умываться. Сквозь плеск воды было слышно, как Антон говорил Нику: всё отлично, можете приходить, у нас есть время до 11.

«Можете приходить, то есть, он не один заявится, а ещё с кем-то... Впрочем, какая мне разница», – Выйдя во двор, Крис невольно улыбнулась. С разных сторон на неё внимательно смотрели пуговками-глазами множество снеговиков. Они были ещё совсем юны, датой их рождения значились

сегодняшнее утро и вчерашний вечер: снег как раз слегка подтаял, благосклонно позволяя радостным детям лепить из него всё, что только заблагорассудится. В этом случае целую армию практически одинаковых, но довольно милых, приветливо улыбающихся снеговиков.

Скрип снега под ногами, заглушаемый звонким смехом детей и серьёзными, увесистыми фразами родителей, которыми они перебрасывались друг с другом, не позволил ей включить музыку в плеере. Это было бы просто преступлением против всех маленьких радостей, скрашивающих ничем не примечательные дни, вызывающие улыбку или воспоминания о чём-то добром и светлом.

Она старалась наступать на ещё не тронутый снег и внутренне улыбалась, слушая, как он тихонько похрустывает под её красными ботинками. Казалось бы, ничего особенно хорошего не происходило. Антон вот предпочёл провести время в обществе друга и ещё кого-то, хотя они собирались побыть вместе в этот день. Зная Ника, можно с уверенностью сказать, что он с собой приведёт, как минимум, нескольких девушек довольно легкомысленного поведения. Пойти в общем-то некуда...

Но, несмотря на это, сейчас она была счастлива. Детское ощущение, что вот-вот произойдёт что-то чудесное и почти волшебное, впереди ждёт ещё много сюрпризов, а жизнь легка и прекрасна. А как иначе, когда снежинки так сверкают на солнце, а вокруг с интересом поглядывают по сторонам

снеговики, такие разные. Среди них даже есть кот. Скрип-скрип, ботинок разрушил очередное бесчисленное множество снежинок – так же легко и непринуждённо, как жизнь рушит мечты, мгновения восторга и минуты счастья, гораздо быстрее, чем разрушает печаль, горечь утраты и тоску о несбыточном. Сверкающий прекрасный замок почему-то гораздо проще уничтожается, чем неказистый мрачный старый дом из тусклого камня.

Мимо прошёл важный карапуз в зелёном комбинезоне, рядом с ним неспешно вышагивала мама, подстраиваясь под его шаг.

– А мы пойдём в парк?

– Нет, мы только дойдём до магазина и домой.

– Но я хочу в парк.

– Я же сказала, нет.

– А почему?

– Потому что я так сказала, не задавай глупых вопросов.

Крис негодуяще покосилась на маму малыша. Не то чтобы она любила детей и сочувствовала ребёнку, которому сегодня прогулку на свежем воздухе заменит блуждание между продуктовых рядов. Но, вполне возможно, что таким безапелляционным запретом на любопытство, на озвучивание интересующих вопросов да и, в конце концов, на нежелание подчиняться без видимых на то справедливых причин эта женщина средних лет с не по годам ярким макияжем, облаченная в необъятных размеров пуховик, поставит крест

на развитии независимой личности в этом карапузе.

С детства его, как и многих других счастливых обладателей родителей с авторитарными замашками, приучают к молчаливой покорности, к подчинению без лишних вопросов и согласию без долгих размышлений. Спустя десятилетия эти самые родители будут недоумевать, почему их повзрослевшие дети так и не стали харизматичными лидерами, занимающими ключевые должности в компаниях, а грустно и безропотно выполняют свои обязанности. И главная ценность работы для них – «чтобы никто не трогал».

Почему так случилось? Да просто когда-то, очень давно, они не хотели огорчать своих родителей и поддались им. Научились подчиняться, но, к сожалению, не только родителям. Это стало чертой их характера, глубоко укоренившейся в детстве, тогда, когда в один прекрасный день они усвоили, что проще и правда послушаться, не задавая лишних вопросов, а потом больше особо не задумывались над этим, соглашаясь просто по привычке.

Никто не знает, что ждёт этого ребёнка, напоминающего в своём комбинезончике космонавта в миниатюре, но уже сейчас можно предположить, глядя на его решительную физиономию, что так просто он не поддастся решениям других людей, даже маминым.

Сейчас он только заплачет, после того, как мама грозно повторит ему своё решительное нет, потом он заплачет ещё громче, прямо в магазине – и, в конце концов, она пообещает

щает ему долгую прогулку чуть позже, после обеда. Поняв, что можно воздействовать на решения других, он будет пополнять копилку методов влияния и однажды научится аргументировать свои решения так, чтобы другим предложенный вариант показался единственно возможным. Или просто продолжит истерить всю оставшуюся жизнь.

Может быть, всё сложится совершенно иначе, но безучастная ко всему статистика показывает, что часто в креслах руководителей оказываются в прошлом непослушные непоседы, вечная головная боль родителей и учителей.

В отличие от этого малыша Крис совсем не хотела гулять. Нет, пару часов назад у неё было желание насладиться зимней прохладой и пополнить армию снеговиков. Но одинокие прогулки в воскресный день её угнетали. Слишком много счастливых парочек. Слишком влюблённые взгляды друг на друга.

Когда ни с кем не встречаешься, с этим невыносимо сталкиваться. Даже если у тебя и нет острой потребности в нежных взаимных чувствах, то в этот момент она внезапно появляется и настойчиво портит солнечное настроение выходного дня. По этой же причине нет смысла идти в кино. Хочется спрятаться и никого не видеть. Смотреть в потолок. Ни о чём не думать. Сниму комнату до вечера, решила она. Заодно и выплюсь, сосед ведь сегодня лишил такой возможности.

Смотришь на начальника и представляешь, как в про-

*шлом он был истеричным карапузом. Целеустремлённость.
Требовательность. Брызги слюной.*

3.1

Шёл снег. Так романтично, пушисто и суицидально падал в пропасть земной жизни с неба, словно объевшиеся мухи валились с серых небес, лениво барахтая в пространстве своими снежными лапками. Да, наступает прекрасное время, когда нежные романтики выбираются в отечественных реалиях из хрущёвок и сталинок на свободу в пору снегопадения.

Помышляют о чём-то столь трогательном, что тебе даже неловко было бы заглядывать тайком в их кристально чистые помыслы, потому что подсознательно боишься того, что нечто подобное, пусть даже и не применимое к твоей жизни, может слегка приглянуться и тебе.

Все эти милые держания за ручку и поцелуи под фонарём, а эти люблю с придыханием и преданные взгляды так прелестны, что хочется ласково разбить электрогитару об их головы, чтобы хоть как-то развеять волшебную невыносимую атмосферу любви и гармонии.

Шагая по серым улицам блёклого города и глядя себе под ноги, ты замечаешь чьи-то одинокие следы, сбоку у сугроба заносимый снегом труп собаки, даже в наушниках слышишь чей-то слишком звонкий, чтобы не быть раздражающим, смех. А потом тебе на нос важно усаживается огромная снежинка, и ты напрочь забываешь обо всём.

Возможно, это неожиданно решило проявить себя безразличие ко всему неприятному в окружающем мире, этакая защитная реакция, которая где-то глубоко прячется предположительно почти в каждом из нас и изредка высовывает нос из глубин подсознания. Или ты просто тоже решил побыть если и не счастливым, то, как минимум, умиротворённым в этот вечер.

Иногда ты живёшь как будто по привычке, не придавая происходящему особого смысла. Ешь, пьёшь, идёшь на работу, общаешься с друзьями и знакомыми, ходишь в гости, пьёшь пиво. Вы о чём-то говорите, и ты тут же об этом забываешь. Кто и что сказал выкидывается в мусорный бак в закоулках памяти, и никакое «а ты помнишь» не достанет этот мусор оттуда. А бывает так, что любая мелочь и деталь наполняется каким-то смыслом, как будто всё происходящее – с любовью продуманные детали артхаусного кино, затянутого, порой странного, но определённо имеющего цель и значение.

Не просто разговоры, а о самом главном, обязательно ночью и в чужом городе. Не гулять в выходной в тёплый день, а прогуливая учёбу или работу, ёжась от холода и потом согреваясь горячим чаем с вареньем бабушки у кого-то в гостях. Не очередные отношения, а безумная любовь и обязательно навсегда. И пусть это всё снова окажется мимолётным и преходящим, сейчас это самое важное, и только такие моменты и есть настоящая жизнь.

Шёл снег. Почти счастливый скептик, задрав голову, следил за тем, как жирные снежинки кружились в беспорядочном танце при свете фонаря. Возможно, это было временное помутнение рассудка, но отрицать тот возмутительный факт, что он следил, уже было невозможно.

Сложно сохранить брутальность и невозмутимость, когда на твой нос пикируют снежинки.

3.2

Когда она проснулась, за окном было темно, лениво падали редкие снежинки и прохожие недовольно морщились, когда отдельные из них случайно приземлялись на нос, делая его холодным и мокрым.

Снег падает во сне, падает наяву, повсюду всё полу-прикрыто белой холодной завесой. Он неотступно следует за прохожими, оставляя за собой белые пушистые следы в погруженных в зимнюю дрему дворах или мокрые серые лужи на теплотрассе.

Крис, закутавшись в одеяло по самый нос, задумчиво смотрела в окно. А вдруг сны – это не результат переосмысления происходившего нашим подсознанием, а время пересечения реальностей нашего существования? Что если мы существуем в нескольких измерениях, а это временное одиночество в гостиничном номере всего лишь одна из проекций? А она настоящая – это тот скептик из сна, с которым у них схожие мысли, но разная кривая событий в жизни? Просто где-то она женского рода, где-то мужского. Хотя какая, в сущности, разница, кроме разве что более рационального сознания у мужчин и тяги к необъяснимым выводам и вытекающим из них мучительнейшим выяснениям отношений у женщин. Но поскольку это всего лишь стереотипы, то разницу можно посчитать минимальной и только со сто-

роны физиологии.

Кто знает, может, на самом деле она – это только затянувшийся сон, который ей кажется целой жизнью, а в другом мире уложится всего лишь в несколько минут промелькнувших сновидений и несколько часов смутных почти неуловимых воспоминаний в реальности.

Возможно, где-то Антон – настоящая она или она настоящий Антон? Или они оба не существуют и являются лишь плодом чьего-то воображения, двумя сторонами одной личности, проблемой выбора в воспалённом сознании, неспособном определиться, какое поведение наиболее предпочтительно.

Некая иная Крис может также сидеть на кровати в городе, аналог которого здесь ещё не построили, смотреть в окно и вспоминать сон-дежавю, как сидела в номере в гостинице, вспоминая сон.

Или Антон уснул в объятиях неизвестной легкомысленной девушки, которая прижимается к нему, отдавшись во власть сна об одинокой девушке в гостиничном номере, укутавшейся в одеяло по самый нос, прячущейся от холодной погоды и безразличия, казалось бы, близких людей.

«Какая чушь приходит в голову, если проспять почти целый день», – стряхнув с себя последние впечатления ото сна, Крис потянулась к телефону: никто не звонил, только пришло сообщение от Антона: «Переночую у мамы, увидимся завтра. Извини за небольшой разгром в твоей комнате».

Крис только хмыкнула, что могло выражать её сдержанное порицание, негодование или безразличие, да и вообще всё, что угодно, и начала собираться.

Время было настолько позднее, что дожидаться общественного транспорта уже не имело никакого смысла. Она позвонила в такси, и сонный апатичный с нотками лёгкого раздражения голос ответил ей, что водитель перезвонит, когда подъедет.

– Спасибо за заказ, всего доброго! – ещё более недовольно произнёс голос и повесил трубку.

Интересно, её руководство вообще в курсе, как мило она беседует с клиентами?

Откровенная нелюбовь к ближнему своему – как часто с этим приходится сталкиваться, и как необъясним факт заранее предвзятого негативного отношения к ещё не сделавшему ничего плохого тебе человеку. Такие люди часто говорят, что если ждёшь плохого, то оно уже не будет для тебя неприятным сюрпризом, однажды, правда, Крис довелось услышать продвинутую версию этой философии от настоящего пессимиста со стажем:

– Если всегда готов к плохому, то и хорошее тебя не сильно огорчает.

Это парадоксальное высказывание даже не сильно позитивной Крис было сложно воспринять.

Готовность к плохому, отсутствие реакции на хорошее – а вдруг это розыгрыш, и я своим восторгом выставлю себя

дураком? А если и не розыгрыш, то наверняка это временно и повлечёт за собой кучу непредвиденных проблем. Так стоит ли радоваться и надеяться на лучшее сейчас, чтобы потом огорчаться?

Каменно мрачное выражение лица, холодный голос без намёка на эмоции или же с настороженно-враждебными нотками. Они думают, что облегчают себе жизнь, но делают её скучной и серой, а в чужие привносят, иногда на мгновение или пару минут, а порой и на гораздо большее время, тут уж как повезёт, точнее, не повезёт, лишь обиду и огорчение или негодование и ярость. В зависимости от того, насколько ты был к этому не готов.

Хотя подобные вечно недовольные личности сказали бы, незаметно усмехнувшись самым уголком губ, что у них бы это не вызвало никаких отрицательных чувств, ведь они всегда готовы к плохому, чем бы оно ни было.

Вся жизнь их – взгляд сквозь серые очки с фильтрами «я же говорил, что так будет», «я предупреждал» и «я чувствовал, что так всё обернётся, и вот, посмотрите...». Остаётся лишь посочувствовать, а в случае Крис перестать, наконец, негодовать по поводу плохого сервиса в службе такси, и отправиться домой, точнее, в то место, что служило ей очередным временным пристанищем.

Готовность к плохому обеспечит идеальную обыденность без эмоций и пульса. Круглосуточно и без процентов.

3.3

Антон брёл по улице. Остаться сегодня с Крис ему не особенно хотелось. Успев за этот вечер переспать с одной милой, но ужасно пьяной блондинкой, имя которой уже и не вспомнить, он решил, что план на день выполнен, и можно отдаться объятиям теперь уже не девушки, а Морфея.

Градусы алкоголя в его крови делали очертания спящего города слегка растушеванными до налёта романтичности и задумчивости, к чему он, впрочем, сейчас совершенно не был склонен.

Он попытался вспомнить имя той, с которой не так давно делил постель. Не получилось. Чьи-то имена остаются в памяти, от некоторых не остаётся ни воспоминания. Их всех, этих девушек на ночь, месяцы или годы, можно разделить на несколько пронумерованных строчек в таблице характеристик. Несколько типов внешности, несколько типов темпераментов. Знакомый подвыпивший психолог убедительно доказывал, что все мы как слегка отличающиеся детали одного конструктора, а вдрызг пьяный психотерапевт, опрокидывая бокалы, с задором студента-первокурсника как-то объяснял отклонения от этих общепринятых образцов деталек. Конечно, обычно всё это облачается в почти безобидные научные формулировки, но суть не меняется и места романтическим

заблуждениям о личности не остаётся.

Антон девушкам уже даже не признавался в любви. Просто выслушивал и произносил многозначительное «бывает...» Влюблённость? Всего лишь химические реакции в организме и ничего более. Не такая, как все? Чуть полная. Всё это уже было в том или ином варианте.

Так стоит ли искать что-то особенное, тратить время на несбыточные мечты и поиски «той самой» девушки, когда стоит лишь подобрать более-менее подходящую детальку, а при обнаружении критических нестыковок просто заменить её?

Порой даже начинает посещать чувство потери реальности и всё чаще потери ощущения времени, словно одна и та же девушка меняет очертания, оттенок волос, тембр голоса и некоторые привычки, но ты чувствуешь, что это уже было. Эти слова, смех над одним и тем же, её любовь к красному цвету, пальто и старомодным шляпам. Словно она никуда и не уходила, всё та же девушка, такая знакомая, только, кажется, сменила парфюм.

Время замерло, ты ищешь снова и снова в лабиринте незнакомых лиц. В шуме неразборчивых голосов опять услышишь знакомый смех и будто бы слегка подзабытые черты лица.

Встречаешь незнакомую девушку, но потом присматриваешься к ней, пытаешься вспомнить, но не можешь, хотя и уверен, что совершенно точно её где-то видел. Вы ходите

в одну и ту же кондитерскую? Она работает в книжном магазине за углом, который ты так любишь? Ездите в одном трамвае на работу? Она улыбается, отрицательно качая головой: «Нет, мы незнакомы».

А у тебя по-прежнему чувство, будто ты спал, тебе снился сон, и вот, утром ты его не можешь вспомнить, смутные очертания становятся всё более расплывчатыми, ты мучительно пытаешься поймать последние ускользающие образы, а в руках остаётся лишь медленно тающая тень пустоты и забвения.

Интересно, а как сейчас к отношениям относится Крис? Кто там у неё, тот странный нежный, но жадный мальчик из магазинчика туалетов? Кто-то ещё? Впрочем, какая мне разница.

Снег продолжал идти. Странный прохожий, закутавшийся в шарф, стоял под фонарём, и, жмурясь и улыбаясь, ловил носом пожирневшие к ночи снежинки.

А кто-то не задумывается над такой чушью и просто счастлив падающим на нос снежинкам.

Антон невольно улыбнулся и пошёл дальше.

Собрав идеал, как из кубиков конструктора, можно, убив в себе романтика. Пока он плюётся кровью, стоит почитать инструкцию по сборке.

4

Сегодня. Оно наступило внезапно и не самым приятным образом. Будильник Крис привычно отключила. Она и по будням-то его отключала, раз по 15, чтобы с 16-го наконец-таки встать, а по выходным со счастливым ощущением свободы отключала и 16-ый. Как и сегодня. Но спустя некоторое время недовольно открыла сначала левый глаз, затем правый, ещё более неохотно, потом села и окончательно проснулась.

– Нда, соседям с перфоратором по выходным никогда не спится. Доброго мне утра. Чёрт, ещё и свидание сегодня. Отменить, что ли...

Встречи с противоположным полом никогда не вызывали у неё должного трепета. Она это делала от скуки, как и всё остальное, убивать себя ей было лень, да и хлопотно такое устраивать, поэтому она так и жила, просто скучая. Касалось это всех сфер жизни, любовь не была исключением, если любовь в её жизни вообще была.

Антон сегодня с ней не спал, ночевал у мамы, если не совра. Хотя говорить неправду ей и не имело никакого смысла, он иногда так поступал в память о тех временах, когда они были почти что вместе и усердно создавали иллюзию отношений, что за неимением достаточного опыта не получалось ни у одного из них. Выразить свои чувства оба не уме-

ли, к романтике относились с лёгким презрением, поэтому всё, что им оставалось – это дружеский секс и приятельские издёвки. Позднее, когда Крис потянуло на создание очередной имитации настоящих, а «не таких дурацких, как с тобой» отношений, они стали делить постель только в буквальном смысле, без интимного подтекста.

Услышав знакомый храп, она удивлённо повернула голову – да, так и есть, спит, улыбаясь во сне и выглядя ещё более обаятельным, чем в состоянии бодрствования. На спящее у стенки тело на редкость невнимательная Крис ночью не обратила внимания. Антон оставил Ника переночевать, конечно же, забыв предупредить Крис. Понятно теперь, почему его нет, просто не хотел выслушивать возражения. Ник, конечно, и без него не трудно было найти, где провести ночь, но этот вариант ему почему-то был более симпатичен. Нет, не из-за Крис, сначала он вообще её не выносил, мрачноватую и странную. Потом правда привык и даже стал находить в ней что-то привлекательное, но только как в девушке, как личность она продолжала ему казаться крайне отталкивающей. В общем, дело было явно не в ней, просто диван был вполне удобен и завтрак-обед-ужин в зависимости от того, когда он приходил и когда просыпался, он мог ожидать только у Антона.

Ник Крис тоже особо симпатичен не был, обаянию людей она принципиально старалась не поддаваться, поскольку, как она однажды подумала ночью, лёжа рядом с Антоном и слу-

шая его мирное сопение, когда ты ему поддаешься, начинаешь менее критично относиться к этому человеку, не замечая даже бросающихся в глаза недостатков.

Так это на самом деле или нет, проанализировать она тогда толком не успела. Антон обнял во сне и уютно положил голову ей на плечо.

«А ведь когда-то вместе мы были даже почти счастливы для людей, которые не верят в счастье...» – подумала Крис, закрыла глаза и наконец-то уснула.

Ник в свою очередь в счастье тоже не особо верил, его единственной истинной верой было удовольствие, ну и ещё немного религия, тогда, когда на удовольствие денег уже не оставалось. А деньги у него обычно всё-таки водились, несмотря на то, что постоянной работы у него не было – где же он всё-таки берёт их для многих оставалось загадкой. Так что частыми заместителями религии в его жизни были девушки и алкоголь.

И если Крис подходила к свободным отношениям с некой, пусть и не всегда логичной, философией, Ник просто бездумно предавался разврату. Множество друзей, не меньше подруг, с половиной из которых он уже переспал, а со второй пока только намеревался, даже не думая о том, что в отношениях с девушками может быть что-то более значимое, нежели секс.

Про некоторых он правда говорил, что безумно любит их, но отличался редкостной непоследовательностью и нелогич-

ностью, «люблю» и «да пошла она, меня просто заинтересовало её тело» чередовались с завидным постоянством в отношении одного и того же объекта любви и похотливого желания.

– Крис... Доброе утро! Так голова раскалывается, не принесёшь минералочки?

– Есть только вода, можешь сходить сам налить, – она схватила вещи и ушла переодеваться в другую комнату. На свидание Крис всё-таки решила сходить, Ник раньше вечера даже при всём своём желании он них убраться будет не в состоянии.

Надевая ботинки, она услышала шаги из комнаты в её сторону. На пороге показался сонно улыбающийся Ник.

– Интересно, ты хоть когда-нибудь бываешь дружелюбной, гостеприимной?

– Когда я, проснувшись, обнаруживаю храпящего рядом полужнакомого человека, то нет.

– Я тебе полужнакомый?

– А кто ты мне, скажи ещё, что мы друзья.

– Нет, но чувствую, что вполне могли бы ими стать, не будь ты такой злючкой. Ты же можешь постараться и не быть ею, правда?

«Не поддавайся, ты же знаешь, он всегда так мил со всеми, а на самом деле терпеть тебя не может», – сказала себе Крис, вежливо улыбнулась и аккуратно прикрыла за собой дверь, хотя хотелось совсем невежливо хлопнуть.

Теперь предстоит ещё один неприятный момент, встреча с парнем из магазинчика туалетов. А может быть, всё-таки просто пойти погулять?

Погода как раз для одиноких прогулок – мелкой противной крошкой сыпется с неба снег. С серого неба в такой же серый город, погружившийся в неспешную задумчивость, не располагавшую ни к каким встречам в его пределах. Может, всё-таки?.. На часах половина второго, она уже почти опаздывает.

Праведность и удовлетворение потребностей – порой это уместается в одном человеке и зависит от наличия денег и времени суток.

– Приветствую.

Важный голос, важный вид, уже почти ненавижу его. Холдная фирменная улыбка Крис. Ничего, полностью интерес ещё не исчерпан, можно потерпеть, это даже почти забавно.

– Привет, как ты? – она, делая над собой усилие, слегка приобняла растерявшегося парня и мысленно усмехнулась, почувствовав, как напряглось его тело. Мир физического с тактильными ощущениями был от него ещё дальше, чем от неё.

– Эээ... Всё хорошо, насколько это возможно. Вот, дописываю роман, который пролежит целую вечность в столе, пока он не надоест мне самим фактом своего существования, и я его не выкину. Кому нужны переживания в этом бездушном мире? – вечный пафос, похоже, с этим ничего не сделаешь.

– Вот тут ты как раз неправ. Они всем нужны. Не в том плане, конечно, что человечество повернулось спиной к культу беззаботного инфантильного существования и отдалось внутреннему миру с его противоречиями и мучительными раздумьями над смыслом жизни, несправедливостью в мире и прочей чепухе, – Крис снова улыбнулась, видя, как он болезненно поморщился после последних слов, почему-то ей хотелось казаться ему бесчувственной и лег-

комысленной, такая своеобразная психологическая защита от его чрезмерных пессимистичных откровений. – Скорее, людей интересуют переживания как сплетни, животрепещущие рассказы о других, с симпатичными персонажами, которыми они могут себя представить и в шутку с ними пострадать, чтобы потом вернуться в реальность с ложным чувством, что у них тончайшая душевная организация, позволяющая испытывать такие чувства.

Чувства, которые они на самом деле позаимствовали у персонажей на время, чтобы потом снова в тот же момент, когда захлопнется в руках книга, с чувством выполненного долга облегчённо вздохнуть и стать чёрствыми и холодными, искусственно улыбаясь, фальшиво прыгая от радости, и усердно запихивая в каждое слушающее ухо слова о том, что жизнь прекрасна и всё в этом мире к лучшему. Прекраснейший из миров, мать его. Когда этого потрясающего великолепия с его кровью, болью, безысходностью и беспросветностью уже не станет... – Потеряв осторожность, Крис незаметно стала откровенной. Почувствовав на себе заинтересованный взгляд собеседника, она безразлично улыбнулась:

– То, что ты слышишь – это не моё мнение. У меня вообще нет определённой точки зрения. Как беспринципный адвокат, я защищаю всё, что угодно. Эмоциональная двуликость, или даже безликость, так будет честнее, хотя честность тоже не в почёте. Что тут скажешь, я отрицательный персонаж, защищать себя сегодня мне неинтересно. Как я тебе?

– Не часто с такими сталкивался. Но мне всё-таки кажется, что ты не совсем такая, какой хочешь казаться.

– Ну, тогда я, как минимум, неискренна, что тоже выставляет меня не с лучшей стороны. И что, ты хочешь сказать, что за чёрствой циничной оболочкой скрывается мягкость, нежность или что-то вроде того? Да брось, некоторые на самом деле эмоционально фригидны. Это как болезнь, можно скрывать, а можно выставлять напоказ и смеяться над ней.

Крохотные снежинки за время их разговора поправились и теперь валились с неба, как объевшиеся и умершие от обжорства мухи. Или огромные жуки, некоторые из которых всё ещё могли вяло шевелить тоненькими ножками из последних сил. Серость и одиночество. Внутреннее, даже если ты с кем-то. Странно, но люди, отдающиеся переживаниям и люди, игнорирующие эти несколько сложноватые для них эмоции, могут быть одинаково эгоистичны и зациклены на себе. Этот парень, похоже, был так погружён в свой внутренний мир, что у него просто не оставалось времени для эмпатии. Его чувства были выверенными, тщательно отобранными, зачем же допускать неряшливую многогранность, пропуская в себя особенности чужого внутреннего мира.

Слушаешь его, а время тянется, тянется и в один прекрасный или не очень момент просто, оторопев, застывает в недоумении: где я, чёрт возьми, и что это они со мной делают? Оно стоит, думает, а ты подпинываешь его легонько

так, мол, давай, шевелись, не вечно же в этом липком тупике ненужного разговора стоять. Вроде и уйти надо, да неудобно как-то.

Хотя это был твой выбор, быть здесь и сейчас, а всё равно ощущение такое, что совершается моральное изнасилование и впору вызывать полицию, отдел эмоциональных преступлений, если бы такой существовал.

Падающие жуки-снежинки, серое небо, серый город. Серое одностороннее общение. Скука. Одиночество. Безысходность. Пустота в желудке.

– Ты ещё не проголодался? Я, если честно, уже есть хочу.

– Я, в общем-то, тоже. Ну что ж, приятно было вновь тебя увидеть. Позволь провожу тебя до остановки.

– Чёрт, да перестань уже так говорить. Это просто нелепо. И раздражает, если честно. Провожать пока меня не нужно, домой я не особо хочу. А потому приглашаю тебя... Да вот хотя бы в то кафе.

– Прошу прощения, не буду более доставать тебя своей манерой говорить. И да, с удовольствием принимаю приглашение, – с пафосным видом произнёс её спутник, и, глядя, как лицо Крис скривилось в негодующей гримасе, удовлетворённо хмыкнул. А как, кстати, счёт оплачивать будем? У меня, признаться, не так уж и много денег с собой.

– Главное, чтобы на проезд были. Есть?

– Есть, но...

– Ну и отлично, больше и не надо, ведь это я тебя пригла-

шаю. Тебя ведь не смутит, если платить буду я?

– Нет, ты же знаешь, я думаю, что равноправие должно распространяться и на оплату счёта в ресторане. И для более прогрессивных людей, чем в нашем городе, это совершенно нормально.

– Я почему-то думала, что ты со своим тактом не позволяешь девушкам угощать тебя.

– Кем ты меня выставляешь, я же говорю, равноправие, и я угощаю, и девушка тоже вполне может это сделать, не вижу в этом ничего плохого. Хотя в таких небольших городах, как наш, равноправие в этом плане абсолютно иллюзорно. Оплата каждого за себя всё равно вызывает укоризненные взгляды на девушку – вот, мол, до чего опустилась, позволяешь мужчине не платить за тебя – и удивлённые взгляды на спутника несчастной – как это у него получилось убедить её, что он совершенно не обязан что-то тратить на неё, даже такую мелочь? Почему бы не принять как должное, что девушка остаётся полноценной даже когда платит за себя или угощает парня?!

– Да, можно и смириться с такой непоправимой потерей, как прерогатива всегда платить, главное, не вступать на скользкий путь манипулирования этим изменением в стереотипах. В конце концов, устаревшая чёрт знает когда материальная и прочие виды зависимостей, сохранившиеся разве что в слегка запылившихся легендах истории, и вытекающие из этой самой зависимости традиционные симво-

лы женственности, пусть больше похожие на вымышленные страницы произведений разных эпох, чем на слепки с реально происходящего, иногда выглядят не вполне привлекательно. Раздражающая несамостоятельность, незащитность и излишняя чувствительность, особенное женское так называемое коварство, а проще бабская хитрость...

Так о чём это я? Ах, да, всё, что напоминает девушке о тех славных временах, когда стремление пожитья мужскими деньгами не считалось постыдным (конечно, я склонна идеализировать наше время, но в целом...), может невозбранно оставаться премилым аксессуаром в отношениях полов. Девушка, конечно же, друг и товарищ, но иногда, скрепя сердце, можно и напоминать ей о её, прости, половой принадлежности и сопутствующим этому трогательным особенностям, без оборотной стороны, на которой я слишком акцентировала внимание. Как считаешь, уместны подобные редкие уступки? Вроде они, конечно, и не вписываются в стройность концепции товарищества, но ведь без них девушке и мужчиной проснуться недолго?

– Хм?... – ей спутник, уже порядком подустав от путанных и монотонных размышлений Крис, рассматривал довольно странное создание. Оно (скорее всего, всё-таки она, но уверенности в этом не было никакой) было облачено в непостижимо шарообразную шубу и неловко двигалось с такой невключённостью в ритм передвижения прохожих, что казалось, будто призрак, слегка отяжелев зимой, устало

проползал у самой поверхности земли, а волочащаяся шуба скрывала небольшую оторванность от земной поверхности и позволяла, не привлекая внимания, ползти дальше...

– Так мы идём или?..

– Давай... Или, может, в другой раз? Вообще, в кафе приглашать – это пошло, девушке, конечно, в этом плане можно сделать скидку, но всё же... Давай лучше приглашу тебя, ну или ты пригласи меня, как тебе хочется, куда-нибудь на концерт, скажем, в органный зал?

– Можно, почему нет. Что там самое ближайшее, сочинения Видора? Не особенно слежу за репертуаром, случайно наткнулась. Как тебе, пригласишься?

– Приглашаюсь, – важно кивнул парень.

Господи, ну хоть бы улыбнулся. Как можно произнести «приглашаюсь» и не улыбнуться? И дрогнувшего уголка губ бы вполне хватило. Да ещё и, чёрт его подери, вот так вот кивая. Её аж передёрнуло от возмущения. На то, что это такое подобие английского юмора местного разлива, можно было и не надеяться.

– Ой, автобус мой! – спокойствие и подчёркнутую серьёзность парня смели грязные комочки снега, взметнувшиеся из-под колёс призывно тормозящего автобуса, который был, как он скорбно предчувствовал, одним из немногих шансов нормально добраться до дома.

– Ну что, тогда до...

– До встречи, было приятно вновь... Он торопливо скак-

нул на подножку и громыхание двери поглотило то, что он и не собирался договаривать, в спешке борясь за право не дожидаться следующего представителя общественного транспорта.

«Твою ж мать, опять, получается, я его проводила, а не он меня?! Конечно, провожать меня надо только до другой стороны улицы и ещё метров сто влево, но а как же священный ритуал отъезда сначала девушки...» – Крис недовольно чихнула выхлопами отъехавшего автобуса, где её знакомый уже спешно строчил высокопарное извинение за скомканное и проглоченное спешкой борьбы за сидячее место прощание.

Всё в этом мире к лучшему, и жизнь прекрасна, когда не видишь крови и слёз. Или делаешь вид, что не видишь, что для многих одно и то же.

6

Один день сменял другой, такой же холодный, такой же бессмысленный, такой же безнадежный. Оптимисты тут, несомненно, должны возмутиться – каждый сам решает каким будет его день, каждую секунду можно сделать насыщенной смыслом, каждый день незабываемым и неповторимым. Хорошо, пусть, но у них всё было совсем не так – фаталисты не создают красивой искусственной реальности вокруг себя, а просто поддаются своей судьбе. Пусть из этого не получается ничего приторно прекрасного, но зато это настоящее.

Незаметно закончилась зима и пришла весна, немногим отличающаяся от своей предшественницы. Подходил к концу март, но всё так же прохожие прятались в пуховики и заворачивались по самый нос в уютные шарфы, а продрогшие уличные коты смотрели голодными умоляющими глазами на них, упрашивая робким мяуканием забрать их в тепло или хотя бы бросить кусок хлеба, правда, уже безнадежно, понимая, что никому они не нужны, эти совсем не трогательные котята с умильным взглядом и забавной мордочкой, а взрослые коты с грязной ободранной в драках шерстью.

Такой кот преследовал Крис во сне всю ночь, она бежала по лабиринтам тёмных узких улиц незнакомого города, громкий настойчивый крик вынуждал бежать её всё быстрее и быстрее, хотя она знала, что если остановиться, ни-

чего плохого не произойдёт, кот подбежит и, уютно мурлыкая, устроится у неё на коленях. Но ей не хотелось опускаться на мокрый после дождя асфальт, не хотелось гладить его грязную взъерошенную шерсть. Было противно даже думать об этом, хотя и стыдно за свои чувства.

Лучи солнца на лице освободили её от мук совести и вернули в реальный мир. Антон уже не спал – сидел в интернете.

– А пойдём в парк? – окончательно проснувшись, спросила Крис, вспомнив, как отменилась прошлая прогулка из-за незваного гостя.

– Пойдём, сам хотел тебе предложить. Там сегодня необычная встреча будет, художники соберутся вместе, чтобы в разных стилистиках рисовать пробуждающуюся от зимней спячки природу. А ещё там обещают продавать согревающие напитки, так что будем завидовать творческим личностям даже не замерзая.

– Будет русская водка к русскому пейзажу?

– Нет, алкоголь продавать не будут, будет безалкогольный глинтвейн, имбирный чай, наверняка что-нибудь ещё уютное для уже солнечной, но ещё холодной весны.

– А ты им и правда завидуешь?

– А ты нет? Они умеют в художественной форме выражать свои эмоции, а что могу я? Всего лишь рассказать что-то интересующее меня, чем-то зацепившее в обычном разговоре с кем-то случайным образом заинтересовавшимся моими мыслями или просто слушающим от скуки. Знаешь, сло-

ва – это не способ выражать чувства, а метод описания их. Вроде бы похоже по смыслу, но это всего лишь посредник. Тут как в религии, если Бог и есть, то зачем тебе нужны посредники в удушающе пахнущих ладаном залах, в одеяниях, выделяющих их среди простых смертных и откровенно намекающих на более высокий статус уж если не в мирском, так в духовном. В творчестве единственный необходимый посредник – это сам художник, безвольная, но талантливая рука вдохновения. И ещё один, слово, трансформирующее нечто, что невозможно, но очень хотелось бы ухватить всем своим существом, в язык нашего посредственного будничного взаимодействия, опуская неосязаемое до почти обыденности, здесь совсем не нужен.

– Куда-то тебя понесло. То есть, подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что из всех творцов писателям ты не завидуешь?

– Нет, парадоксально, но возможности сказать просто о сложном я завидую как раз больше всего.

Позавтракав как всегда бутербродами, они наскоро оделись, повертелись перед зеркалом, любуясь на смотрящую на них оттуда пару в пальто и шляпах, и отправились любоваться результатами чужого вдохновения.

– А знаешь, если послушать некоторых людей, то может показаться, что они, со снобистской уверенностью, отказываются к художественному искусству причислять буквально целые жанры. Мол, это слишком натуралистично, это на-

столько абстрактно и примитивно, что можно сравнить с художественными изысканиями маленького несмышлёного ребёнка, а это даже не искусство, а просто хороший маркетинг и визуализация профессионально преподнесённой мысли с учётом целевой аудитории, — задумчиво произнесла Крис. — Лично ты где видишь грань между искусством и его имитацией?

— Сложно сказать, вообще взгляд обывателя очень поверхностен. Тут скорее важно мнение специалистов этой области, искусствоведов, способных чувствовать эстетику каждого жанра и стилистики, понимать её, а не определять по принципу «не нравится – значит, не искусство».

Хотя и в таком подходе есть свои минусы: в профессиональном взгляде на искусство может царить власть авторитетности автора. Например, если эксперты считали, что произведение принадлежит руке известного мастера энного века, то оно удостоится большого внимания, но если вдруг выяснится, что этот шедевр создал, ну скажем, его талантливый, но не особо известный ученик, то всё, внимание плавно сходит на нет, обсуждение закончено, можно разочарованно расходиться по домам.

— Да дело не в том, что что-то создал не сам знаменитый творец, кем бы он ни был, дело в лаврах первооткрывателя. Если ты создал что-то своё, был значимой фигурой в образовании того или иного стилистического направления – это одно, если ты просто слепо копируешь, пусть и на высоком

профессиональном уровне, то ты, конечно, молодец, но внимание будет заслуженно приковано к тебе, если ты скажешь и своё слово в искусстве, а не будешь пересказывать то, что уже и так все знают.

– В общем-то ты права...

– Чувствуется в этой незавершённости какое-то но, нет?

Тут Крис проследила за его взглядом – внимание Антона привлекло хрупкое светловолосое создание с задумчивым взглядом.

– Хочешь оценить красоту не на холсте, а в жизни?

– Возможно, стоит попытаться счастья. В любом случае, в жизни не бывает такого количества копий и имитаций, как в сфере искусства.

– Вот вообще с тобой не согласна, в мире людей огромное количество копий и даже подделок, гораздо больше, чем в искусстве. Но всё равно удачи тебе, может быть, она и окажется искомым оригиналом.

Купив горячий шоколад, Крис неспешно прогуливалась вдоль набережной. Одной идти в парк ей не хотелось, оставалось только бесцельно бродить по городу, как и всегда.

Мысленно вспоминая последний разговор с Антоном, она пришла к выводу, что, наверное, не настолько близка к гуманистическим представлениям о человеке, как бы ей хотелось. Она действительно считала, что уникальных или в чём-то особенных личностей, в сущности, не так уж и много. Остальные лишь набор стандартных стереотипов, навязан-

ных рекламой, обществом и ближайшим окружением. Всё их отличие друг от друга – это некоторая разница деталек в их собираемом конструкторе психотипов и всё.

В таком случае, любовь как таковая не имеет смысла. Любвой человек не является незаменимым, его при несоответствии твоим представлениям о приемлемом варианте всегда можно с лёгкостью заменить на аналогичного, только с чуть иными характеристиками.

Конечно, на подсознательном уровне она понимала, что такая абстрактная циничность порушится в один миг, стоит только встретить кого-то, с кем не захочется отгораживаться от мира за холодными умозаключениями, но поскольку его не было, она продолжала мыслить в направлении безразличия к человечеству и скептического отношения к уникальности личности. Разумеется, это не оправдание такого хода мыслей, но ей так было удобнее.

В сумке завибрировал телефон – звонил Антон.

– Нет, не оригинал, сплошная подделка вплоть до сумки в её руке.

– В таком случае вроде бы нормы этикета и морали обязывают меня сказать «сочувствую».

– Дорогая моя бездушная сволочь. Я, может быть, готов был поверить, что встретил свою единственную...

– Это когда ты успел, когда любовался на её очертания сзади, пока догонял?

– Да ну тебя, лучше скажи, где ты сейчас, расскажу всю

историю, хоть тебе и неинтересно.

– Неинтересно, но буду ждать тебя или даже пойду на-
встречу.

*Сложно найти оригинал или что-то уникальное, если ис-
кать только под юбками и в брюках.*

7.1

Шлейф полупрозрачного платья мятного цвета развевался на ветру – она и её спутник стояли на крыше небоскрёба.

– Любимая, может быть, не стоит этого делать, у тебя вся жизнь впереди. Да, для меня это имеет смысл, пожизненное заключение за то, чего не делал – это не самый интересный способ провести время, но ты... Зачем это тебе?

– Ну, всегда мечтала умереть молодой и заняться любовью перед смертью – прекрасный шанс осуществить мечты, не правда ли?

Титры.

Крис внимательно смотрит на Антона.

– Ну и как тебе фильм?

– Нормально.

– Нормально?! Да это же полная чушь!

– Хорошо.

– Да что с тобой, ты меня вообще слушаешь?

– Я ту подумал... Нам надо расстаться.

– Что это значит? Мы и ведь и не встречаемся?

– Ну, понимаешь, мы вроде как живём вместе, и у нас неплохие дружеские отношения. Мы как престарелая супружеская пара, у которой всё ещё хорошо, но секса в этом хорошо просто нет как составляющей.

– А кстати, почему нет?

– Почему тебя это вдруг озаботило, ты хочешь заняться со мной сексом?

– Нет...

– Эта одна из причин, почему мы не можем больше жить вместе, это ненормально.

– Но тебе ведь никто не мешает строить личную жизнь. Приводи сюда девушек, я буду уходить, не знаю, куда-нибудь – кафе, пабы...

– Ты же снова не пьёшь?

– Я буду томно смотреть в стакан с соком. Может быть, кого-нибудь заинтересует одинокая непьющая девушка.

– Бессмысленно всё это обсуждать, давай просто не будем жить вместе и всё.

– А друзьями-то останемся?

– Конечно, кого же ещё я буду с таким удовольствием раздражать и выводить из себя?

– Хорошо, но сегодня ты ещё остаешься ночевать?

– Нет, а зачем?

– Ну прошу тебя, останься. Не то что бы мне будет одиноко без твоих сонных объятий, но... Просто останься сегодня.

– У меня сегодня свидание.

– А, ну ладно... Удачи тебе... Похоже, тебе и правда уже есть, где ночевать.

– Ревность?

– Не дождёшься.

– Всё было бы гораздо проще, если бы ты была нормаль-

ной девушкой.

– А я не девушка, по-твоему?

– Не очень. Нет, ты очень даже, но не очень девушка.

– Скажи, что заболел, отмени свидание! Нельзя же вот так просто бросить друга в одиночестве.

Раздался телефонный звонок. Всё оказалось гораздо проще – позвонила девушка.

– Она сама отменила встречу.

– Может быть, ещё и сказала, что заболела?

– Отстань.

– Пожелал скорейшего выздоровления? Ладно, извини.

Так останешься?

– Ладно.

– А ведь сам бы не отменил бы, правда?

– Можешь придумать за меня на своё усмотрение.

Постель на двоих ещё не гарантия дружбы или секса. Даже объятия в постели не гарантия.

7.2

– Крис, стерва, ты что сделала?! Крис!

Ответа не было – она благоразумно ушла из квартиры до того, как он проснулся. Его единственные оставшиеся здесь джинсы (всю одежду он незаметно увёз в её отсутствие за пару дней до этого) были нещадно обрезаны и превращены в крохотные шорты, больше похожие на трусы. На них лежала записка: «Кажется, кому-то сегодня утром нужно быть в суде? Ну что ж, удачи, уверена, твоё выступление надолго запомнится присутствующим».

– Чёрт, магазины ещё закрыты, переодеться я уже не успею... И что мне теперь делать?!

«И что мне теперь делать... – думала Крис, сидя на скамейке и задумчиво глядя, как отъевшиеся пухленькие чайки лениво ели не успевшие утонуть в реке кусочки булки, которые бросала им стоявшая неподалёку обнимающаяся парочка. – Хороший сюрприз, ничего не скажешь. Странные ощущения, вроде бы и понимаю, что так должно было случиться, но сознание отказывается верить, что всё было таким неизбежным. Кажется, что всё ещё можно было изменить, в последний момент сказанное люблю, нежное объятие, поцелуи. Перестать быть друзьями. А люблю ли? Да чёрт его знает. Но отпускать жалко. Очень».

Конечно, у неё не было каких-то планов на их дальнейшие

отношения, все самые долгосрочные мечты ограничиваются временем касания её щеки и его свитера. Чёрного. И, как это сейчас ни странно, постиранного ещё совсем недавно ею.

Непривычно думать, что теперь они никогда больше не уснут в одной постели. Печальный итог многолетнего непонятно чего: испортили всё. Даже то, что невозможно было, постарались и всё равно испортили. И вроде всё было так нелепо и странно, что даже не верилось, что такой бред вообще мог когда-нибудь закончиться. Ну в самом деле, прекращаться вот так вот внезапно может только что-то щемяще прекрасное, а не такая несуразность. Чёрт бы его побрал, это должно было длиться вечно. Плохо. Грустно. Непривычно. Перемотайте всё назад, надо что-то там исправить, чтобы цепь событий не привела к такому сюрпризу.

Вернувшись домой, она рассчитывала позволить себе полновесную и до боли трагичную ночную тоску. С водкой и суицидальными мыслями, всё по госту, как полагается. Но оказалось, что водка исчезла в неизвестном направлении. Очевидно, вместе с Антоном. В холодильнике остались только апельсины. Под их поедание грустилось как-то вяло и без энтузиазма. Какие уж тут гости трагедии. В общем, ночь сразу не задалась, а закончилась и совсем бесславно – она уснула.

Ей снился летний жаркий день на пустынном пляже. Множество засохших деревьев, песок, почти незаметный под мусором, неподвижная гладь воды. Всё выглядело безжизненным и безучастным к случайно оказавшимся здесь людям.

– Ну давай, это же так просто – взлететь, неужели ты никогда этого не делал во сне?

– Летать человек не может без вспомогательных средств, это невозможно.

– Во сне не бывает невозможного, полетели!

Она уже была в воздухе, ему ничего не оставалось, кроме как, тяжело вздохнув, присоединиться к ней. Это оказалось не так уж и сложно, просто нужно было забыть о том, что так не бывает.

Неприятные впечатления от заброшенного пляжа остались позади, Антон смеялся от удовольствия. Чувство безграничной свободы, счастье – вот что появляется, когда человек забывает взрослое слово невозможно.

Если бы они только могли навсегда сохранить в себе это чувство внутренней свободы, ощущение того, что возможно всё, стоит только этого по-настоящему захотеть... Наверное, тогда их отношения были бы совсем другими? Кто знает, одно лишь известно наверняка: утром они проснутся, и странный сон на двоих растает в обыденности очередного дня, наполненного всевозможными сомнениями и условностями.

Каждый будет продолжать поиски идеальных спутников жизни.

Вот Крис возвращается со свидания с парнем с тростью. Он заметно прихрамывает и морщится при каждом шаге.

– Тебе ведь больно... Не нужно провожать. Мне как-то неловко.

– Да ладно, может у меня склонность к садо-мазо?

– Да? Ну тогда отлично. Завернём ещё к киоску за печеньками?

– Забавная ты...

Он, конечно, казался милым, но трубку когда он звонил, она больше не взяла.

Вот Антон идёт домой после неудачного свидания. На третьей встрече девушка ему заявила, что не может больше с ним видаться, слишком уж он странный для неё, и продолжать выслушивать его глупости было бы, конечно, любопытно, но бессмысленно.

– У нас нет никаких перспектив в отношениях.

«Интересно, что это вообще значит, перспективные отношения?» – Размышлял Антон. Изменения степени близости строго по графику? Нежные взгляды, первые нетерпеливые ласки – первая неделя. Романтичное свидание с букетом цветов в честь первого месяца вместе. Полгода – знакомство с родителями. Вот твоя мама уже звонит ей и инструктирует, как тебя правильно кормить, и что ты больше всего любишь на завтрак, а рубашки лучше гладить с вечера, не оставляя на последний момент. Вы откладываете деньги на свадьбу, отказывая себе в том, что хочется, ведь ей нужно, чтобы все друзья-подружки-родственники запомнили её свадьбу, как самую лучшую. Потом будут дети, а ещё в довесок кредит на квартиру, машину, совместный отдых раз в год, её претензии в будни вечером и твоя любовница в субботу днём. Мо-

жет, и у неё есть любовник? Впрочем, какая разница. Вместе стареть, внуки, правнуки, привычка друг к другу длиною в десятки лет, её морщины, твои воспоминания о любовницах, которые когда-то скрашивали твоё существование, обратный отсчёт до последнего дня жизни. Игра окончена. Хотите пройти заново?

Престарелые классики говорят, что месье должна быть подостывшей, но свежеприготовленное дымящееся блюдо выглядит аппетитнее.

Весна. Солнце ласково пригревает, полупрозрачная зелёная вуаль окутывает скудную городскую природу, а в сердцах наивных людей бурно расцветают надежды на новую любовь и безграничное счастье.

Крис и Антон сидели на скамейке, жмурясь под лучами солнца, и увлечённо уничтожали всё то, что припасли для импровизированного скамеечного весеннего микро-пикника.

– Ты можешь быстрее кого-нибудь найти?

– Тебе-то это зачем?

– Я буду страдать от того, что у тебя всё удачно складывается в отличие от меня, это излечит твоё оскорблённое самолюбие, потом ты будешь, возможно, с кем-то ещё, я буду одна, заниматься своими делами, по-дружески интересоваться твоей жизнью, потом ты или захочешь быть с ней всегда или расстанешься, как со мной...

– Ну и что, тебе-то это для чего нужно? – спросил Антон, доедая бутерброд.

– Ненавижу, когда ты перебиваешь. А потом, когда после того, как мы были вместе, были не вместе, просто были, ты забудешь, что вообще что-то между нами происходило, я познакомлюсь с тобой заново. Те же тяжёлые ботинки, чёрная рубашка и драные джинсы, я предложу тебе отношения, ко-

торые ничего не стоят друг другу, а ты... Я буду надеяться на то, что согласишься, и у нас снова будет чёрт знает что такое, не приводящее совершенно ни к чему.

– Не проще ли найти человека, который полюбит тебя, и которого полюбишь ты? Только не бросайся к нему сразу в постель, многие это... Ну, не понимают. Вы заведёте детей, и всё будет хорошо?

– Дети не заводят детей, никто не любит соперников. Это во-первых. А вообще такие глупые дети, как я, любого, совершенно любого возраста не хотят хорошо, они хотят замечательно или отвратительно. Мне нужна драма, а не банальный рассказ.

– Ну, вообще-то, открою тебе страшную тайну, небанального в любви давно не существует. Все варианты развития отношений придуманы, описаны, разыграны, сняты и проданы. Так что таким обывателям, как мы, остаётся без излишнего пафоса, к которому ты, как ни прискорбно, всё ещё равнодушна, выбирать то, что больше нравится, не драматизируя.

Семья не банальнее фатальной любви. Долгие доверительные отношения не скучнее стремительного романа посторонних людей. Всё зависит не от шаблона, скорее от самого человека.

– Скажи, ты меня когда бросил, в начале апреля же? – неожиданно перескочив с надоевшей ей темы, спросила она, сосредоточенно вылавливая пластиковой вилкой олив-

ку из жестяной банки.

Как же ей хотелось быть оригинальной. В отношениях да и во всём, если уж на то пошло. Этот стереотип, настырно покоривший сердца простых обывателей, желающих внести краски в свою жизнь.

В последнее время все так любят говорить о том, что нужно быть уникальным, особенным, а внутренний мир важен, интересен и давай, реализуй уже свой творческий потенциал или что там у тебя.

Но стоит только тебе выйти за рамки допустимого в картине мира, так великодушно тебе это разрешившего, как он равнодушно захлопнет дверь понимания и поддержки:

– Прости, но что-то это уже перебор. Немного нездорово, тебе не кажется?

Ты можешь быть странным чисто символически. И то, только для того, чтобы потешить их самолюбие. Мол, вот мы какие толерантные. Понимающие. Терпимые ко всяким дурачкам и клоунам. До того момента, пока эти клоуны не начинают их пугать. Пусть это остаётся на экранах, выступлениях, в новостях, чтобы было чем развлечься и что обсудить со скучающими друзьями, но только на безопасном расстоянии.

Они сходят посмотреть на это, но только не открывайте клетки с этими существами, посмотрим через решётку.

Будь особенным, говорит тебе общество. Нет, не так. Не настолько. Крис была как раз не настолько. Именно в ме-

ру. Не сильно отпугивающая чудачка. По крайней мере, не всех. Он с теплотой посмотрел на неё, увлечённую теперь уже поеданием бутерброда с колбасой на скамейке.

– Какое это сейчас имеет значение, душа моя. Доедай и пойдём.

– Куда?

– В загс или до набережной. Как скажешь. Сейчас я на всё готов. Пользуйся моментом.

– Побуду немного скучной занудой и выберу набережную.

– Немного? Смешно. Испугалась?

– Конечно, даже не скрываю этого.

– А толку-то, всё равно врать мне ты так и не научилась.

– Это ты так думаешь. Доела. Пойдём.

– Передумала?

– Гулять пойдём.

В любви и отношениях примитивен любой исход: в какой сюжет не сунься, всё уже было и успешно надоесть много веков назад.

У Крис всегда были своеобразные отношения с вещами и предметами, к ним она никогда не привязывалась, как и любой человек, не имеющий дома. Съёмные квартиры так называть язык не поворачивался. Но, не привязываясь к вещам, она обитала всё же не в лаконичной пустоте незаполненного пространства. Как и странные обстоятельства, её так же окружали и неуместные вещи. Старомодные шляпы под диваном, разумеется, изначально не принадлежавшие ей, чугунные резные светильники, месяцами пылящиеся на кресле, ножи в шкафу на нижней полке под шёлковой юбкой.

Переезжая, она просто оставляла за собой разноцветный ворох воспоминаний, подкреплённых вещественными доказательствами, оставляя себе лишь некоторые особо приглянувшиеся не вещи, но события, требующие к себе если не уважения, то хотя бы некоторого внимания. Внимания, которое она проявляла тем, что запихивала их как недочитанную книгу на полку для того, чтобы однажды вернуться к ним в вечерний разбор запылившейся библиотеки памяти. Например, когда идёт дождь или снег и уютно только дома при свете очередного купленного у древней старушки торшера с милыми теперь уже её сердцу кисточками.

Вернуться для того, чтобы заботливо протереть пыль и по-

ставить в аккуратный ряд прочих полюбившихся томов или просто зашвырнуть куда-нибудь ещё дальше, чтобы в ещё более грустный вечер с надеждой вновь заглянуть в него. Вдруг острые углы воспоминаний стёрлись, вдруг сюжет готов стать почти приятным для вкушения его в долгий зимний вечер, стать достойным пополнения собой этой библиотеки памяти. Того немногого, что она готова была оставлять в своей жизни.

Ни людьми, ни вещами, ни идеями она не дорожила, в настоящем оставалось только безразличие ко всему. Ценность могло приобрести только то, что из пережитого неспешно перетекало в прошлое, утрачивая плоскость настоящего и обретавшего надежду получить взамен яркости ощущаемого многогранность и глубину переосмысленного. Интерес к предметам возникал редко и всегда с последствиями, обрастая какими-нибудь историями. К несчастью, иногда и людьми.

Одним солнечным днём её внимание привлёк притаившийся в полуподвале магазин «вещей с прошлым» – настоящая лавка старьёвщика.

– Я просто обязана если и не купить там что-то, то, как минимум, зайти.

Вышла Крис оттуда с высоченным бронзовым канделябром и соломенной шляпкой с чёрной лентой. Вышла, и тут же скрылась за соседней дверью без вывески, тоже в полуподвале, откуда приглушённо звучала музыка. Старый

добрый рок.

– В общем, я спонтанно и наобум пробралась в студию и всё. Даже сама атмосфера располагала к тому, чтобы в кого-то из них влюбиться. Он казался тогда таким позитивным, а мне так этого не хватает в жизни – простого чувства радости без лишних раздумий.

– Дай-ка угадаю, свою любовь встретила за ударной установкой?

– Проницательно с твоей стороны, – невесело усмехнулась Крис. – Так и есть.

– Ну и как зовут твоего ударника?

– Неважно, такая, знаешь, безымянная любовь. Чувствую, что это ненадолго.

– Оптимистичный настрой для начала отношений, ничего не скажешь.

– Как говорят всезнающие пессимисты, лучше быть готовым к плохому.

– К чему готовишься, то и получаешь.

– То есть, если я готовлюсь потратить миллиард долларов и уже всё до деталей обдумала, то он вдруг возьмёт и упадёт в мои руки? Не смей меня, ты бы ещё сказал, что мысли материальны.

Несмотря на скептицизм Антона, она всё-таки не смогла удержаться от соблазна рассказать ему о своём новом увлечении.

– Значит теперь ты, изменив своему желанию найти ин-

теллектуально совместимого с тобой представителя моего пола, не долго думая нашла симпатичного парня, с огоньком в глазах и не отягощённого печальными раздумьями о высоком, я всё правильно понял?

– Вот нет, чтобы порадоваться за меня. Может, я встретила именно такого человека, какого искала?

– Ты же сама сказала, что, по-твоему, это ненадолго?

– Ну да, но длительность это же не показатель удачного выбора. А он – это то, что надо мне сейчас. Склонность к созерцанию и тонкочувствованию слишком часто делают из человека сноба, чтобы пытаться среди них найти того, кто сознательно отрицает в этом случае самолюбование. Наверное, ироничное отношение к своей так называемой возвышенности приходит с возрастом, но старики меня пока не привлекают.

– А зря, могла бы приобщиться к опыту поколений.

– Я подумаю. Может быть, годам к 50 буду благосклоннее относиться к мужчинам пенсионного возраста. А пока я решила поискать в противоположностях – смотри, правда он очарователен? – спросила Крис, открывая на телефоне страницу аккаунта своего нового возлюбленного. С фото смотрел довольно улыбающийся тип за ударной установкой. Панковская футболка и глумливый взгляд, он был похож на злого шута из какого-то страшного сна.

– Продолжаешь жить по принципу «чем хуже, тем лучше»?

– Не всё так плохо, как может показаться, он вполне себе... Милый.

– Ну вот зачем тебе это нужно, можешь наконец объяснить мне, неразумному? – спросил Антон, еле сдерживая смех. Слово милый тут было явно не уместно, и она прекрасно это понимала.

– Знаешь, вполне возможно, что с этим человеком я получу именно то, что ищу. Что-то большее, чем просто мелочное проживание жизни, какие-то другие эмоции и чувства – не мертвенную бледность их проявления, как у продавца самого необходимого в нашей жизнедеятельности, а яркую вспышку. Никаких гигабайтов писем и жалких встреч, а реальность, то о чём я иногда начинаю забывать – мысли, высказываемые человеку, глядя в глаза.

– Да, он-то тебе всё выскажет. Даже не сомневаюсь. Буду ждать вестей с полей. Прощай, мой бредущий к смерти товарищ... Серьёзно, он же тебя пристукнет этими своими палочками. Барабанщик, да ещё с такими глазами – я бы ещё подумал, прежде чем бросаться в эти отношения, в его объятия, а, зная тебя, могу ещё добавить – в его постель.

– О да, добрался до излюбленной темы, просто не представляю, что ты – тот человек, с которым мы... Вот где мы только с тобой не занимались любовью?! А ведь много где... Крис задумчиво посмотрела на него, но тут же отмела бесперспективную мысль о неприличном предложении.

Скажи, вот почему ты всё время обвиняешь меня в непри-

личном поведении? Да, я не признаю долгих подготовительных работ, прежде чем приступить к ожидаемому продолжению в процессе сближения и довольно быстро оказываюсь в постели с симпатичным мне человеком. Что совсем, кстати, не означает, что это ведёт к беспорядочной половой жизни. Очень мало таких мужчин, которых бы я не просто абстрактно желала, но и хотела бы видеть в своей постели.

И дело тут ведь не в моей испорченности, просто я не хотела бы придавать телу и его желаниям слишком большого значения и подчёркнутого внимания. Если ты с важным видом демонстрируешь сдержанность своих низменных проявлений и медленно осторожно подбираешься к желанному, то тем самым ты выделяешь секс из прочих проявлений обыденности существования, разве нет? А так это значит не больше, чем рукопожатие. Конечно, несопоставимо приятнее, но смысл же не меняется. Это часть жизни, которая слишком примитивна, чтобы как-то влиять на людей.

Когда они поддаются осознанию его важности, это порождает чувство собственности, ревность и ещё целую кучу, довольно зловонную, прочих проявлений торжества инстинктов над людьми. Когда же ты просто признаешь их существование и в уместных случаях поддаёшься им, не придавая особого значения, у тебя есть хотя бы шанс остаться человеком разумным.

– Много-много слов. Ну, хоть фразы и звучат аккуратно выстроенными и логичными, выглядит это скорее как

оправдание мягко говоря блуда. Грубо можешь сама домыслить. Просто ты не любишь людей и до патологии боишься к ним привязываться, мысленно обесценивая любые отношения прежде, чем это кто-то успеет сделать за тебя.

– Почему мужчину-романтика, пребывающего в вечных поисках и не желающего связывать себя примитивными узами и заполнять свою жизнь приземленными мелочами быта, окутывает флёр неприкосновенной святости, а подобную женщину часто предпочитают путать со шлюхой? Ну, что поделать, уж лучше я буду выглядеть в глазах окружающих таким неподобающим образом, чем снизойду до их мещанских идеалов. В конце концов, я ведь не ищу многообразие. Просто в поисках того человека, который поймёт моё стремление быть с ним, одной, свободной, но не с другими.

– Ну а как же дальнейшие отношения, дети, всё равно ведь они несколько привязывают человека друг к другу, не находишь? Страна вымирает, а ты тут разглагольствуешь о свободе от приземлённости и абсолютной оторванности от реальности.

– Судьба этой страны меня мало волнует, и вносить свой посильный вклад в её демографию я не собираюсь.

Он безучастно посмотрел на неё и молча отвернулся, наблюдая за спешащими прохожими, создавая таким образом паузу в сцене откровений. Если бы это происходило на экране, а не в реальности, то пауза получилась бы затянутой и неинтересной, но в жизни это позволило обоим без объяс-

нений погрузиться в себя.

Антон вспоминал зиму из далёкого, тогда ещё их общего прошлого. То утро, когда она разбудила его радостным «Проснись и посмотри, как красиво! Ну же, просыпайся!» прямо в его ухо. Нежность и аккуратность в обращении Крис была не особо свойственна. Увидев, что он начал просыпаться, приоткрыв пока только правый глаз, она потащила его к окну. Свежевыпавший снег теперь пушисто разлёгся по веткам, довольно поблёскивая на солнце.

Он спрятал всю серость дороги и прикрыл автомобили большущими шапками до самых их безжизненных фар-глаз. Завалировал яркую бессмыслицу детской площадки и, предложив взамен чистый блеск белизны, снег словно скрыл всё дурное и грязное, что только случалось в прошлом, оставив уют и счастливое спокойствие забвения.

Если весна дарила иллюзию того, что всё прошлое смыло первым дождём, и от него ничего не осталось, кроме мокрых следов на асфальте, которые высушит весеннее солнце и предлагала начать всё с чистого листа, то зима одаривала спокойствием и мудростью с этим самым прошлым примириться, прикрывая его ворохом светлых и добрых воспоминаний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.